

Судьба общественного прогресса: из модерна в постмодерн и обратно

Лавыш Татьяна Анатольевна

аспирантка

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно, Беларусь

E-mail: tlavyshtut@tut.by

В начале XX века концепция модерна как единства социального и научно-технического прогресса заметно потеряла привлекательность, и уже к середине века можно было со всей очевидностью наблюдать кризис классической картины мира. Появляются принципиально новые концепции, старые наполняются новыми познавательными, ценностными, этическими смыслами. Однако уже только то, что для обозначения современности используется понятие «постмодерн» говорит о том, что складывающаяся ситуация анализируется через сопоставление с теориями и схемами классического модерна.

Постмодерн – оборотная сторона модерна. В сущности, само существование эпохи «пост» свидетельствует о признании ценности идей модерна и должно их реабилитировать, но уже на ином уровне. Это один из парадоксов современности: отрицание идей классического периода, в том числе и теории прогресса, и утверждение их в ином виде.

Теория прогресса в ее классическом понимании предполагала, что история есть движение в царство разума, которое по пути решает индивидуальные и общественные проблемы. В сущности, модерн и предполагал свое существование как постоянное возникновение нового и бесконечное движение к лучшему.

XX век в виде экологического, антропологического, военного кризисов заставил увидеть близость границ роста и усомниться в возможности безграничного совершенствования. Однако те, кому выгодно сложившееся положение дел, подменяют формулу бесконечного развития закреплением сложившихся правил игры. Других же, «изгоев внутри системы модерна» (А. Панарин), эпоха «пост» убеждает в том, что развитие продолжается и история по-прежнему имеет право на существование. Поэтому не будем признавать и концепцию прогресса устаревшей. Для обоснования этого рассмотрим некоторые специфические черты двух типов философствования: классического (модернистского) и постклассического и рассмотрим концепцию прогресса с обеих точек зрения.

В первую очередь следует отметить принципиальное различие в понимании взаимоотношений между познающим субъектом и объектом познания. Согласно западному классическому способу философствования, субъект как автономный, привилегированный наблюдатель, находящийся вне систем отсчета, является конечным источником всех содержаний знания и обладателем смыслов.

Неклассическая философия помещает субъекта внутрь того, что мыслится. Как замечает Р.Тарнас, мир прекращает существовать как «вещь в себе» и больше «не зависит от интерпретации: скорее он начинает существовать уже только в интерпретациях и лишь благодаря им. Субъект познания уже неотторжим от объекта познания: человеческий разум никогда не выходит за пределы мира, чтобы судить о нем извне, заняв соответствующее положение» (цит. по [1, с. 250]). Лишая человека права сопоставлять значение того или иного события со значением целого, постмодернистская парадигма вместе с тем превращает различные пласты реальности в полноценные, самостоятельные силы, господствующие над человеком и нередко враждебные ему.

Что же в этом контексте происходит с «прогрессом»? Исходя из модернистского убеждения, что человек является «мерой всех вещей», можно было допустить возможность существования прогресса как единой «мерки», прикладываемой к истории и сопоставляющей ее с возможностями развития человека и общества. Постмодерн последовательно отвергает такой подход: антропоцентризм модерна заменяется плюрализмом, соответственно, концепция универсального прогресса подменяется

убеждением в наличии множества разнонаправленных тенденций. Современность все чаще трактуется как совокупность общественных действий, необходимых для адекватного реагирования на изменения окружающей среды и преодоления естественного стремления систем к хаосу. Как отмечает Б. Ерасов, в модернистском подходе «отсутствует адекватный анализ значения поддержания стабильности и единства в обществе. Прямолинейная имитаторская политика модернизации ведет к дезорганизации, разрушению и хаосу в обществе, социальным потрясениям» [2, с. 373].

Как представляется, русский принцип сопряженности, согласованности разнокачественных начал, существенно отличающийся от традиционного западного субъект-объектного принципа, и тем более от постмодернистской парадигмы, может предложить новое прочтение идеи общественного прогресса. Христианская парадигма соотносит сам прогресс к абсолютной первопричине бытия – Богу. Являясь первопричиной бытия, включая и прогресс, Бог придает ему смысл, дает объективную оценку с точки зрения высшего, уже не человеческого, а нравственного, абсолютного, универсального критерия. Основной целью прогресса является не развитие само по себе, а человек. Прогресс, поднимающий человека на новую духовную ступень, помогающий достичь ему своего главного предназначения - спасения, которое есть вечная жизнь в святости, – вот истинный прогресс.

Следующая специфическая черта постмодернизма состоит в новом определении возможностей разумного постижения действительности. Установка на достижимость системного и завершенного знания о гармоничной системе «мир-человек» заменяется иррационализмом, приобретающим статус значимой мировоззренческой парадигмы. Философия из мышления о мире в понятиях становится пониманием действительности при помощи интуиции, действительности, которая в принципе непознаваема в категориях разума. Это свидетельствует о наличии тенденции к оперированию обособленными понятиями: однако «прогресс» в его чисто логическом смысле является не более чем абстракцией. Если в эпоху модерна понятие «прогресс» употреблялось как «научно-технический», «общественный» и т.д., то постмодернисты конструируют разнообразные иррациональные «прогрессистские теории», искусственно увеличивая бытие.

В свое время И.Киреевский писал, что существуют две формы познания - отвлеченно-рациональная, и цельная, живая, включающая в себя в первую очередь, духовный, нравственный и эстетический элементы. «Православный культурный тип воплотил то, – как справедливо отмечает А.С. Панарин, – что содержалось как заявка, но так и не получило реализации на почве немецкой культуры – ценностную рациональность (М. Вебер). Весь русский интеллектуализм – это не целерациональность, доминирующая на Западе, а ценностная рациональность.» [3, с. 459].

В таком контексте и предстоит реабилитировать теорию прогресса: в личностном, духовном смыслах, придающих системе качество целостности, ведь только при помощи духовных оснований, не подвластных рациональному структурированию, система и является таковой. Только в этой области деление на субъект-объект, субъект-субъект теряет смысл, а иррациональное, совместно с рациональным, способно предоставить широкое поле для дальнейших действий.

Литература:

1. И.И.Антонович. После современности. Очерк цивилизации модернизма и постмодернизма. Мн.: Беларуская навука, 1997.
2. Б.Е. Ерасов. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
3. А.А. Панарин. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.